

Герцог, привыкший к тому, что его помощник всегда безупречно понимал кошачий язык, даже на мгновение не допускал мысли, что тот может не понять, что он хочет выразить.

Именно поэтому герцог совершенно не мог осознать, что происходит сейчас.

Он определённо выразил помощнику все известные ему способы ухаживания. Если честно, он демонстрировал свои ухаживания почти с одержимостью.

Но... партнёр, который должен был ответить на этот призыв...

Просто сидел на кровати, глядя на него с выражением: «Что, чёрт возьми, не так с этим котом?»

«В чём же проблема?»

Чувствуя нарастающее раздражение, герцог снова издал низкое, протяжное урчание, наполненное соблазнительным посылом.

— Гррррр.

И тут...

Глаза помощника, наблюдавшего за герцогом, вдруг расширились.

— Ваша Светлость.

Помощник окликнул герцога взволнованным голосом, опираясь обеими руками на кровать и подаваясь вперёд.

Это была первая столь яркая реакция с тех пор, как герцог начал ухаживать.

Хвост герцога от неожиданности выпрямился.

«Наконец-то!»

«Он ответит на мои ухаживания!»

Зрачки герцога то сужались, то расширялись в предвкушении, но помощник, широко раскрыв глаза, произнёс:

— Вы же обычно не издаете никаких звуков. Почему вдруг заурчали?

В ответ на этот невинный вопрос... хвост герцога бессильно упал.

Конечно, герцог в кошачьем облике не издавал звуков. Ведь кошки, за исключением периода ухаживания, подают голос только в детстве, когда не могут позаботиться о себе и зовут мать. Но герцог, будучи взрослой и независимой особью, не относился к их числу.

Взрослые кошки обычно прекрасно обходятся языком тела.

Но сейчас этот человек...

«Неужели он принял мои ухаживания за детский зов?»

Герцог почувствовал себя глубоко оскорблённым из-за этого унижительного недоразумения.

Настолько, что мог только смотреть на помощника, опустив хвост до самого пола.

Герцог уставился на него в растерянности и шоке, но вдруг осознал кое-что.

То самое «недоразумение», о котором помощник так часто твердил.

Он сам стал его жертвой.

* * *

Герцог сидел в своём кабинете, погружённый в раздумья.

До сих пор ему никогда не было дела до того, что кто-то его неправильно понимал.

Потому что это не представляло для него никакой угрозы.

Более того, ему вообще было неинтересно, что о нём думают люди, поэтому герцог часто даже не замечал, когда его неправильно понимали.

И это никогда не было проблемой.

Был, конечно, случай, когда он не смог правильно распознать намерения одного человека и столкнулся с серьёзной угрозой... Но даже тогда опасность исходила от амбиций этого

человека, а не от его восприятия герцога.

Мысленно пробежавшись по воспоминаниям, он ненадолго вспомнил человека, который умолял сохранить ему жизнь, клянясь, что все эти годы верно служил герцогу, и просил пощады ради старых времен... Но герцог быстро отогнал это неприятное воспоминание.

Так или иначе.

После того случая герцог стал внимательнее наблюдать за людьми вокруг, оценивая, представляют ли они для него опасность, но его никогда не интересовало, как они его воспринимают. Он не думал, что это может на что-то повлиять.

Вот почему он отмахивался от слов помощника о том, что люди неправильно понимают герцога и всё такое...

Но теперь, когда помощник сам его не понял...

Герцог впервые в жизни осознал, что значит быть неправильно понятым.

Честно говоря, когда он решил ухаживать первым, он был уверен, что всё пройдёт гладко.

Ведь объектом ухаживаний был его помощник. Тот самый помощник, который с поразительной точностью угадывал его настроение по одному движению кончика хвоста.

Поэтому он думал, что когда герцог проявит инициативу, помощник, который сам колебался, стоит ли ему ухаживать за герцогом, сразу поймёт его намерения и ответит взаимностью...

Но, как ни невероятно, помощник воспринял все старания герцога не просто как странность, а как нечто унижительное.

В результате герцог теперь впервые в жизни размышлял над «разочарованием от того, что тебя неправильно поняли».

Он так старался, а в итоге его приняли за беспомощного котёнка. Чем больше он об этом думал, тем хуже становилось его настроение.

Быть непонятым — действительно ужасно неприятно.

«Неужели поэтому он так яростно твердил о необходимости прояснить недоразумения?»

Герцог нервно дёрнул ухом.

Помучившись от этих непривычных переживаний, герцог облизнул губы, чтобы переключиться.

Да. Чувствовать себя плохо — это одно, но раз уж проблема возникла, нужно думать, как её решить.

Он не понимал, как они оказались в ситуации, когда тот, кто раньше требовал прояснить недоразумения, теперь сам неправильно понимает герцога... Но так или иначе, раз уж возникло недопонимание, похоже, настало время «прояснить недоразумение», как неоднократно говорил помощник.

Герцог, которого никогда не волновало, если его неправильно понимали, никогда не задумывался, как это самое недоразумение прояснить.

Но теперь ему пришлось вспомнить, что говорил помощник.

«Он говорил выражаться так, чтобы люди могли понять».

Так значит... он должен ухаживать так, как это делают люди?

Человеческие способы ухаживания.

Раньше герцог мог и не знать тонкостей человеческих ритуалов ухаживания.

Но теперь он знал.

Потому что...

Герцог перевёл взгляд на помощника, сидевшего за столом и сосредоточенно читавшего письмо.

Того самого помощника, чьи губы слегка обветрились с наступлением зимы.

Того самого, кто сам рассказывал ему прежде...

«Поцелуй, значит?»

Лучше всего решать проблему как можно быстрее, если это возможно.

Герцог, пристально глядя на губы помощника, слегка приподнятые к уголкам, встал.

И уверенно направился к его столу.

— Ваша Светлость?

Помощник, спокойно сидевший за работой, поднял голову от письма и удивлённо посмотрел на герцога, явно не понимая причины его внезапного движения.

Герцог не сводил взгляда с губ помощника.

Подойдя вплотную, он остановился перед столом. Затем обхватил лицо помощника ладонями — тот всё ещё смотрел на него, слегка запрокинув голову.

— Ваша Светлость? Что вы..!

Не давая тому договорить, герцог наклонился и прижался к его губам.

Сквозь тонкую кожу он явственно ощутил сухие губы помощника и чуть более низкую температуру тела.

Этот контраст оказался на удивление приятным. Герцог чуть склонил голову, углубляя контакт, наслаждаясь текстурой и температурой, одновременно погружаясь в раздумья.

Он сделал это, но...

«Как долго это должно продолжаться?»

Когда помощник впервые проявил знаки ухаживания, их губы соприкоснулись лишь на короткое мгновение. Тогда герцог тоже лишь слегка прижался и отстранился.

Но теперь он вспомнил, что видел, как рыцари на стенах держали губы сомкнутыми гораздо дольше — настолько, что герцог даже удивлялся, чем они там занимаются.

«Сколько должно длиться это выражение ухаживания, чтобы его нельзя было истолковать неправильно?»

Герцог, знавший лишь то, что поцелуй является проявлением ухаживания, вдруг ощутил лёгкое замешательство.

Тем временем их губы всё ещё оставались соединёнными.

Он уже собирался переместить руку с щеки помощника на затылок, полагая, что чем дольше, тем яснее будет передана мысль, как вдруг...

Тёплый выдох вырвался из приоткрытых губ помощника, легонько коснувшись его губ.

А затем помощник резко отстранился.

Теперь герцог мог разглядеть его лицо, которое раньше было слишком близко.

— Ваша Светлость, это... э-э...

Помощник пытался что-то сказать, но слова не долетали до ушей герцога.

Он смотрел на помощника так, словно видел что-то странное.

Покрасневшие уши и область вокруг глаз.

Слегка приоткрытые губы, к которым только что прикасались его собственные.

Смушение в широко раскрытых голубых глазах, под ресницами, щекочущими щеки герцога, и...

И...

В тот момент, когда герцог заметил в глазах помощника незнакомую ему эмоцию, впервые в жизни он ощутил странное, непривычное ощущение, пробежавшее по его позвоночнику.

Его тело разогрелось, мышцы напряглись.

Мысли начали путаться, а в горле вдруг пересохло.

Всё тело дрожало от нервного возбуждения, но, никогда не испытывая ничего подобного, он не знал, что именно делать в такой ситуации.

Но даже среди всего этого было кое-что очевидное.

Он хотел прикоснуться к партнёру прямо перед ним.

С трудом сглотнув, герцог медленно протянул руку, скованную от напряжения, щекочущего живот.

К глазам помощника, которые теперь казались темнее обычного, наполненные неясным теплом.

И как только его пальцы почти коснулись тонкой кожи под глазами помощника...

Дин-дон, дин-дон, дин-дон—

Раздался звук колоколов.

Не простой...

Дин-дон, дин-дон, дин-дон, дин-дон—

А долгий, протяжный.

Дин-дон, дин-дон—

Отчаянно тревожный.

Взгляды герцога и помощника встретились.

Этот звон возвещал о крупном нашествии монстров.

<http://bllate.org/book/12567/1117826>